М. Светлов

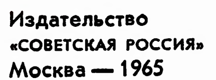
сорок лет моей лирики

сорок лет моей лирики

СТИХОТВОРЕНИЙ

СОРОК

Р2
С 24

Сборник «Сорок лет моей лирики» Михаила Светлова — это книжка его лучших лирических стихов. Они отобраны самим автором незадолго до смерти.

* * *

Музыка ли, пенье, что ли, эхо ли,
Что же это зазвучало вновь?
От вокзала Дружбы мы отъехали
К следующей станции — Любовь.

Кто-то с кем-то навсегда простился,
Чей колеса затоптали след?
И над стрелочницей опустился
Свет разлуки — сумеречный свет.

Будем вместе во всеобщей давке,
Ну, какой тут может быть секрет,
Если из конспиративной явки
Вышла ты, любовь, на божий свет.

1*

Звездами планета разнаряжена.
Ночь растет, растет за часом час,
И заря в тумане ищет скважину,
Чтоб потом насплетничать о нас.

Рано еще. Чуть взошло светило.
Только-только ночь простерлась ниц.
И еще не прикасалось мыло
К неумытым лицам проводниц.

Так оно ведется год от года:
Шпал мельканье, шепот проводов,
И обогащается природа
Движущимся утром поездов.

Через все завалы снеговые
Через летний утренний туман
Комсомольцы Западной России
Мчатся на Алтай и в Казахстан.

Пусть они ни разу не сражались,
Мне смотреть на них не надоест,

Как они воинственно прижались
К седлам бесплацкартных мест.

Юность расшумелась по вагонам.
Что это творится поутру?
Контролер отшельником казенным
Ходит в распевающем миру.

Каждый день торчу я на вокзале,
Хорошо б за тыщу верст махнуть!
Вежливо мне годы указали
Путь домой — без путешествий путь!

1964

Сосны

Пришел в сосновую Славуту,
и с соснами наедине,
и сосны жалуются мне
и разговаривают будто.
И говор их похож на стон,
и стон похож на человечий...
Вот обошли со всех сторон
и жалобный разносят звон,
чтоб я их лес не изувечил.

— Ах, слишком грубо,
слишком часто
по стволам топор поет,
и может, скоро, может, через год,
на челюсти пилы зубастой
сосновый сок оскомину набьет.

И страшно мне, сосне, одной,
когда сосновый посвист реже,
когда вот тут же нож стальной
мою товарку рядом режет.

И хочется тогда в борьбе
перескакать свою вершину,
как и тебе,
когда тоска нахлынет.

И несется стон в сосновой чаще
и разносится в лесную глубь:
— Приходи к нам, человек, почаще,
только не води с собой пилу!

Я слушал. Полдень был в огне,
и медленно текли минуты,
и сосны жаловались мне
и разговаривали будто.

И эта новая сосновая кручина
дала тревогой сердцу знать...
— За твою высокую вершину
я б хотел тебя помиловать, сосна.

Но слыхала ль ты, как стоны тоже
паровоз по рельсам разносил?

Он спешил, он был встревожен
и хрипел, и не хватало сил.

Надрываясь, выворачивал суставы,
был так жалобен бессильный визг колес,
и я видел: срочного состава
не возьмет голодный паровоз.

Две сосны стояли на откосе,
и топор по соснам застучал,
чтобы, сыт пахучим мясом сосен,
паровоз прошел по трупам шпал.

И пока он не позвал меня трубой,
не заманивает криками колесными,
я люблю разговаривать с собой,
а еще больше — с соснами...

1924

* * *

Мне много лет. Пора уж подытожить,
Как я живу и как вооружен.
На тысячу сердец одно помножить —
И вот тебе готовый батальон.

Значенья своего я не превысил,
Мне это не к лицу, мне не идет,
Мы все в атаке множественных чисел,
С единственным названием — народ!

Быть может, жил я не для поколений,
Дышал с моей эпохою не в лад?
Быть может, я не выкопал по лени
В моей душе давно зарытый клад?

Я сам свой долгий возраст не отмечу...
И вот из подмосковного села
Мне старая колхозница навстречу
Хлеб-соль на полотенце поднесла.

Хлеб-соль! Мне больше ничего не надо,
О люди, как во мне ошиблись вы.
Нет! Я не в ожидании парада,
Я в одинокой комнате вдовы.

Я ей портреты классиков развешу,
И все пейзажи будут на стене,
Я все ей расскажу, ее утешу,
Прошу, друзья, не помешайте мне!

Я радость добывал, и есть усталость,
Но голос мой не стих и не замолк.
И женщина счастливой оставалась —
Я был поэтом, выполнил свой долг.

1963

Рабфаковке

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка,—
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета), —
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала,— под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разбрелись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,

**Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.**

**Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.**

**Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.**

**Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.**

1925

* * *

Мне не можется на рассвете,
Мне б увидеть начало дня...
Хорошо, что живут на свете
Люди, любящие меня.

Как всегда, я иду к рассвету,
И, не очень уж горячи,
Освещают мою планету
Добросовестные лучи.

И какая сегодня дата
Для того, чтоб явилась вновь
Похороненная когда-то
Неродившаяся любовь?

Не зовут меня больше в драку —
Я — в запасе, я — просто так,
Будто пальцы идут в атаку,
Не собравшиеся в кулак.

Тяжело мне в спокойном кресле,
Старость, вспомнить мне помоги:
Неужели они воскресли,
Уничтоженные враги?

Неужели их сила тупая
Уничтожит мой светлый край?
Я-то ладно, не засыпаю,
Ты, страна моя, не засыпай!

В этой бешеной круговерти
Я дорогу свою нашел.
Не меняюсь я, и к бессмертью
Я на цыпочках подошел.

1963

■ ■ ■

Я в жизни ни разу не был в таверне,
Я не пил с матросами крепкого виски,
Я в жизни ни разу не буду, наверно,
Скакать на коне по степям аравийским.

Мне робкой рукой не натягивать парус,
Веслом не взмахнуть, не кружить в урагане,—
Атлантика любит соленого парня
С обветренной грудью, с кривыми ногами.

Стеной за бортами льдины сожмутся,
Мы будем блуждать по огромному полю,—
Так будет, когда мне позволит Амундсен
Увидеть хоть издали Северный полюс.

Я, может, не скоро свой берег покину,
А так хорошо бы под натиском бури,
До косточек зная свою Украину,
Тропической ночью на вахте дежурить.

В черниговском поле, над сонною рощей
Подобные ночи еще не спускались,
Чтоб по небу звезды бродили на ощупь
И в темноте на луну натыкались...

В двенадцать у нас запирают ворота,
Я мчал по Фонтанке, смешавшись с толпою,
И все мне казалось: за поворотом
Усатые тигры прошли к водопою.

1926

Сулико

Родам Амирэджиби

Я веду тебя, Сулико,
В удивительные края.
Это, кажется, далеко —
Там, где юность жила моя.

Это было очень давно...
Украина... Сиянье дня...
Гуляй-Полем летит Махно
И прицеливается в меня.

Я был глупым птенцом тогда,
Я впервые узнал, поверь,

Что наган тяжелей куда,
Чем игрушечный револьвер.

А спустя два десятка лет —
Это рядышком, погляди! —
Я эсэсовский пистолет
Отшвырнул от твоей груди...

Дай мне руку! С тобой вдвоем
Вспомним зарево дальних дней.
Осторожнее! Мы идем
По могилам моих друзей.

А ты знаешь, что значит терять
Друга близкого? Это — знай —
«Здравствуй!» тысячу раз сказать,
И внезапно сказать: «Прощай!»

В жизни многое я узнал,
Твердо верую, убежден:
Проектируется канал
Юность — Старость, как Волго-Дон.

Будь послушною, Сулико,
Мы поедем с тобой в края,
Где действительно недалеко
Обитает старость моя.

И становится мне видней,
Как, схватившись за посошок,
По ступенькам грядущих дней
Ходит бритенький старичок.

Это — я! Понимаешь — я!
Тот, кто так тобою любим,
Тот, кого считали друзья
Нескончаемо молодым.

В жажде подвигов и атак
Робко под ноги не смотреть —
Ты пойми меня,— только так,
Только так я хочу стареть!

Жил я, страшного не боясь,
Драгоценностей не храня,

И с любовью в последний час
Вся земля обнимет меня.

Сулико! Ты — моя любовь!
Ты всю юность со мной была,
И мне кажется, будто вновь
Ты из песни ко мне пришла!

1953

Граница

Я не знаю, где граница
Между севером и югом,
Я не знаю, где граница
Меж товарищем и другом.

Мы с тобою шлялись долго,
Бились дружно, жили наспех.
Отвоевывали Волгу,
Лавой двигались на Каспий.

И, бывало, кашу сваришь
(Я — знаток горячей пищи),
Пригласишь тебя:
— Товарищ,
Помоги поесть, дружище!

Протекло над нашим домом
Много лет и много дней,
Выросло над нашим домом
Много новых этажей.

Это много, это слишком:
Ты опять передо мной —
И дружище, и братишка,
И товарищ дорогой!..

Я не знаю, где граница
Между пламенем и дымом,
Я не знаю, где граница
Меж подругой и любимой.

Мы с тобою лишь недавно
Повстречались и теперь
Закрываем наши ставни,
Запираем нашу дверь.

Сквозь полуночную дрему
Надвигается покой,

Мы вдвоем остались дома,
Мой товарищ дорогой!

Я тебе не для причуды
Стих и молодость мою
Вынимаю из-под спуда,
Не жалея, отдаю.

Люди злым меня прозвали,
Видишь — я совсем другой,
Дорогая моя Валя,
Мой товарищ дорогой!

Есть в районе Шепетовки
Пограничный старый бор —
Только люди
И винтовки,
Только руки
И затвор.

Утро тихо серебрится...
Где, родная, голос твой?..

На единственной границе
Я бессменный часовой.

Скоро ль встретимся — не знаю.
В эти злые времена
Ведь любовь, моя родная,—
Только отпуск для меня.

Посмотри:
Сквозь муть ночную
Дым от выстрелов клубится...
Десять дней тебя целую,
Десять лет служу границе...

Собираются отряды...
Эй, друзья!
Смелее, братцы!..

Будь же смелой —
Стань же рядом, —
Чтобы нам не расставаться!

1927

Свадьба

На скромную стипендию едва ли
Когда-нибудь так пышно пировали...

Они сидят за столиком вдвоем.
Невесту оглушил оркестра гром;
Старается среди людей чужих
Казаться независимым жених...

По всей земле, пожаром обожженной,
Рука в руке, прошли молодожены.
Кавалерийский корпус на Поречье —
Свидетель их товарищеской встречи,
И с дружбою, похожей на любовь,
Они вошли в освобожденный Львов,

Потом условились в горящем Бухаресте
Согласно провести остаток жизни вместе...

Пусть корпус далеко и свадьба их скромна,
Не бог весть сколько пенится вина —
Все те ж мечты у них, масштабы те же,
И тысячи коней в их свадебном кортеже!
Веселых запевал отдельный взвод
Для вас, Иван Андреевич, поет!
И сам полковник поднял тост не раз
За вас, Татьяна Павловна, за вас!..

Они сидят за столиком вдвоем,
Их обступила Родина кругом.
Шуршит колосьями полтавский ветерок,
Всю ночь мелькает в поле огонек,
Любимой дочери судьбу переживая,
Участок свой обходит звеньевая:
«Как уживется с ним? Как скоротает век?
Наверно, он хороший человек!..»

Качает черноморский ветерок
Не шхуну старую, а юный катерок,

Матрос по мокрой палубе шагает,—
Он другу поздравленье сочиняет
И думает все время беспокойно:
«Наверное, она его достойна...»

И в этот час грузинский винодел
На цинандали ласково глядел:
— За дружбу — тост! За ваше процветанье,
За молодость, за бракосочетанье!..

Ночная темь густеет. В два часа
Заснули подмосковные леса.
Чернеют издали, как след военных дней,
Ряды полуразрушенных траншей.
Стоит сосна в почетном карауле,
Где вечным сном товарищи заснули.
Дивизии гвардейской рядовой,
Сражавшийся, как надо, под Москвой
И павший в историческом сраженье,
Шлет молодым свое благословенье...

Стоят леса в молчании глубоком...
Заря пылает над Владивостоком

И движется на запад,— засверкал
Огнями самоцветными Урал.
Нефтяники идут на промысла,
В пласты Донбасса вырубка вошла,
Сверкнули рельсы, и запели птицы
Над Родиной, где вам вдвоем трудиться!..

Пора идти, товарищи, пора!
Уже совсем недолго до утра!
Вам жить еще в согласье много дней,
Распространяя счастье на людей...

Светлеет небо над Москвой-рекою.
Деревья провожают их толпою
И шепчут им, листвою шевеля:
— Нам нравится московская земля!
На них дома свою бросают тень,
Они идут в зарю, в грядущий день...

1948

Провод

еловек обещал
Проводам молодым:
— Мы дадим вам работу
И песню дадим!
И за дело свое
Телеграф принялся,
Вдоль высоких столбов
Телеграммы неся.

Телеграфному проводу
Выхода нет —
Он поет и работает,
Словно поэт...

Я бы тоже, как провод,
Ворону качал,

Я бы пел,
Я б рассказывал,
Я б не молчал.
Но сплошным наказаньем
Сквозь ветер, сквозь тьму
Телеграммы бегут
По хребту моему:
«Он встает из развалин —
Нанкин, залитый кровью...»
«Папа, мама волнуются,
Сообщите здоровье...»

Я бегу, обгоняя
И конных и пеших...
«Вы напрасно волнуетесь...» —
Отвечает депеша.

Время!
Дай мне как следует
Вытянуть провод,
Чтоб недаром поэтом
Меня называли,
Чтоб молчать, когда Лидочка
Отвечает: «Здорова!»,
Чтоб гудеть, когда Нанкин
Встает из развалин...

1927

Утром

Проснулись служащие, и зари начало
На пишущей машинке застучало.
Еще сонливая, идет к заводу смена,
Петух запел — оратор деревень,
И начался совсем обыкновенный
И необыкновенный день.

Меня заколдовала ночь немая —
Спросонок я еще не понимаю:
Где детство милое, где пожилые люди,
Где тетерев в лесу, где дичь на блюде?

Определите точно этот срок —
Когда рекою станет ручеек?
Трагедия всех этих переходов
И для отдельных лиц и для народов.

Пусть время пронесется, мы умрем,
Пусть двести лет пройдет за Октябрем,
Но девушка в предутреннем лесу
Босою ножкой встанет на росу,
Я для нее (а я ее найду!)
За новым платьем в магазин пойду.

И, примеряя новенький наряд,
Я буду ей рассказывать подряд
О том, что было двести лет назад.
Как сообщить ей в темь времен других,
Что мы счастливей правнуков своих?

Тяжелые лишения терпя,
Мы Золушку подняли из тряпья,
Тела и души ветер колебал...
Скорее, Золушка! Не опоздай на бал!
Нашли мы под Житомиром в бою
Потерянную туфельку твою.
Окружены, мы знали, что умрем,
Чтоб мальчик с пальчик стал богатырем.

И позавидует твоей большой судьбе
И улыбнется правнучка тебе.
Других веков над нами встала тень...
Так продолжается рабочий день.

1958

2 Заказ 352

Песенка

Чтоб ты не страдала от пыли дорожной,
Чтоб ветер твой след не закрыл,—
Любимую, на руки взяв осторожно,
На облако я усадил.

Когда я промчуся, ветра обгоняя,
Когда я пришпорю коня,
Ты с облака, сверху нагнись, дорогая,
И посмотри на меня!..

Я другом ей не был, я мужем ей не был,
Я только ходил по следам,—
Сегодня я отдал ей целое небо,
А завтра всю землю отдам!

1932

Признание

Юности своей я не отверг,
Нравится мне снова все, что делаю,
Будто после дождичка в четверг
Расцвели сады оледенелые.

Если жив я, и любовь жива!
Для тебя, единственная, ласковая,
Я нашел хорошие слова,
Лучшие из словарей вытаскивая...

Не так легко сравненье найдешь,
Твои глаза в стихотворенье просятся,
Как голубые ведрышки, несешь
Ты их на коромысле переносицы.

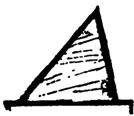
Я повторить вовеки не смогу
Твои слова, горячие и близкие,—
Ведь речь твоя способна и в пургу
Всех журавлей призвать в поля российские.

Я всех людей могу богаче быть,
Нет у меня, поверь, на бедность жалобы,
И чтоб тебе вселенную купить,
Мне, может быть, копейки не хватало бы...

Мне много жить и пережить пришлось,
Но я тебе заносчиво и молодо,
Как связку хвороста, мечты свои принес —
Зажги костер, погрейся, очень холодно...

1959

Потоп

 жэн!
Дорогая!
Ты хмуришь свой крохотный лоб,
Ты задумалась, Джен,
Не о нашем ли грустном побеге?
Говорят, приближается
Новый потоп,
Нам пора позаботиться
О ковчеге.

Видишь —
Мир заливает водой и огнем,
Приближается ночь,
Неизвестностью черной пугая...
Вот он — Ноев ковчег.
Войдем,

Отдохнем,
Поплывем,
Дорогая!

Нет ни рек, ни озер.
Вся земля —
Как сплошной океан,
И над ней небеса —
Как проклятие...
И как расплата...
Все безмолвно вокруг.
Только глухо стучит барабан,
И орудия бьют
С укрепленного Арарата.

Нас не пустят туда —
Там для избранных
Крепость и дом,
Но и эту твердыню
Десница времен поразила.
Кто-то бросился вниз...
Видишь, Джен,—
Это новый Содом
Покидают пророки
Финансовой буржуазии.
Детский трупик,

Качаясь,
Синеет на черной волне —
Это маленький Линдберг,
Плывущий путями потопа.
Он с Гудзона плывет,
Он синеет на черной волне
По затопленным картам
Америки и Европы.

Мир встает перед нами
Пустыней,
Огромной и голой,
Никто не спасется,
И никто не спасет!
Побежденный пространством,
Измученный голубь
Пулеметную ленту,
Зажатую в клюве,
Несет.
Сорок раз...
Сорок дней и ночей...

Сорок лет
Мне исполнилось, Джен.
Сорок лет...
Я старею.

Ни хлеба...
Ни славы...
Чем помог мне,
Скажи,
Юридический факультет?
Чем поможет закон
Безработному доктору права?

Хоть бы новый потоп
Затопил этот мир в самом деле!
Но холодный Нью-Йорк
Поднимает свои этажи...
Где мы денег достанем
На следующей неделе?
Чем это кончится,
Джен,
Дорогая,
Скажи!

1932

Встреча

Откуда ты взялась такая?
«Где ты росла, где ты цвела?»
Твоим желаньям потакая,
Природа все тебе дала —

Два океана глаз глубоких,
Два пламени девичьих щек
И трогательный, одинокий,
На лоб упавший волосок...

Ты стать моей мечтой могла бы,
Но — боже мой! — взгляни назад:
За мной, как в очереди бабы,
Десятилетия стоят.

Что выдают? Мануфактуру?
Воспоминанья выдают?
Весьма потрепанную шкуру,
Что называется «уют»?

Мир так назойлив чудесами!
А я мечтаю до сих пор
Поплыть с тобой под парусами,
Забыв о том, что есть мотор.

Я не зову к средневековью,
К отсталости я не зову,—
Мне б только встретиться с любовью
Вот так — на ощупь, наяву!

Мы с ней встречались и до срока
И после срока... Отчего
Сама любовь — и одинока?
Любовь — а рядом никого?

Ну ладно, хватит. Эти темы
Не для порядка и системы.

Как спорят где-то в глубине
Язычник с физиком во мне!

Я должен ощущать другое,
Я должен говорить не то...
Надень свое недорогое
Демисезонное пальто,

И мы пойдем с тобою в сказку,
В то общежитие поэм,
Где мы с тобой отыщем ласку,
Которой не хватает всем.

1957

Песня о Каховке

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти,
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

1935

Одиночество

Николаю Доризо

Как узнать мне безумно хочется
Имя-отчество одиночества!
Беспризорность, судьба несчастная —
Дело личное, дело частное.

Одинокая ночь темна.
Мать задумалась у окна —
Бродит мальчик один в степи.
Ладно, миленький, потерпи.

У отца умирает сын.
Что поделаешь. Ты — один.

Вот весной на краю села
Пышно яблоня расцвела,

Ну, а зелени нет кругом —
Не всегда же в саду живем!

Вот и я за своим столом
Бьюсь к бессмертию напролом,
С человечеством разлучась,—
Очень поздно: четвертый час.

Ходит ночью любовь по свету,
Что же ты не пришла к поэту?
Что упрямо со дня рожденья
Ищешь только уединенья?

Стань общительной, говорливой,
Стань на старости лет счастливой.

1957

ИЗ А. МКРТЧЬЯНЦА

(Армения)

1

Из воздушного гарема
Унеслась моя поэма...
Черт проснулся спозаранку:
«Где поэма? Где беглянка?»
И зарница озорная
Хитро молвила: «Не знаю!
Не видала, не слыхала,
Только тихо полыхала...»

2

Греческое тело обнажив,
Девушка дрожит от нетерпенья...
Тихо спит мое стихотворенье,
Голову на камень положив.

Девушка сгорит от нетерпенья,
Оттого, что вот уж сколько лет
Девушка, какой на свете нет,
Снится моему стихотворенью.

3

Молодое греческое тело
Изредка хотелось полюбить,—
Так, бывало, до смерти хотелось
Ночью, просыпаясь, закурить.

И однажды полночью слепою
Мимо спящей девушки моей
Я промчусь, как мчится скорый поезд
Мимо полустаночных огней.

4

Дикая моя натура!
Что нашла ты в этой сладкой лжи?
Никакая греческая дура
Тело предо мной не обнажит.

Так однажды в детстве в наказанье
Мать меня лишила леденцов,—

Ничего не выдало лицо,
Но глаза лоснились от желанья.

5

Молодость слезами орошая
В поисках последнего тепла,
Видишь — голова моя большая
Над тобой, как туча, проплыла.

Никогда она не пожалеет,
Что плыла, как туча, над тобой,
Оттого, что облако имеет
Очень много общего с землей.

6

Источник

Ловкая, маленькая
Бежит вода —
Куцым источником
Туда-сюда...

А я —
        скалою на склоне дня —

Хочу разгадать секрет:
Почему
Этот неодушевленный предмет
Живет быстрее меня?

7

Смерть

Каждый год и цветет
И отцветает миндаль...
Миллиарды людей
На планете успели истлеть...
Что о мертвых жалеть нам!
Мне мертвых нисколько не жаль!
Пожалейте меня —
Мне еще предстоит умереть!

8

Перемены

С первого пожатия руки
Как переменилось все на свете!
Обручи катают старики,
Ревматизмом мучаются дети,

По Севану ходят поезда,
В светлый полдень зажигают свечи,
Рыбам опротивела вода,
Я люблю тебя как сумасшедший!

9

Разлука

Вытерла заплаканное личико,
Ситцевое платьице взяла,
Вышла — и, как птичка-невеличка,
В басенку, как в башенку, пошла.

И теперь мне постоянно снится,
Будто ты из басенки ушла,
Будто я женат был на синице,
Что когда-то море подожгла.

10

Выдумка

Девушка от общества вдали
Проживала на краю земли,

Выдумкою, как воздухом, дышала,
Выдумке моей дышать мешала,

На краю земли она жила,
На краю земли — я повторяю...
Жалко только, что земля кругла
И что нет ей ни конца, ни краю...

1929

■ ■ ■

Все ювелирные магазины —
они твои.
Все дни рожденья, все именины —
они твои.
Все устремления молодежи —
они твои.
И смех, и радость, и песни тоже —
они твои.
И всех военных оркестров трубы —
они твои.
И всех счастливых влюбленных губы —
они твои.
И этот город, и эти зданья —
они твои.
Вся горечь жизни и все страданья —
они мои.
Уже светает. Уже порхает стрижей семья.
Не затихает, не засыпает любовь моя.

1960

Письмо

К моему смешному языку
Ты не будь жестокой и придирчивой —
Я ведь не профессор МГУ,
А всего лишь
Скромный сын Бердичева.

Ты меня хотя бы для приличья
Выслушай, красивая и шустрая,
Душу сквозь мое косноязычье,
Как тепло сквозь полушубок,
Чувствуя.

Будь я не еврей, а падишах,
Мне б, наверно, делать было нечего.

Я бы упражнялся в падежах
Целый день —
С утра до вечера.

Грамматика кипела бы ключом:
— Кого —чего...
— Кому — чему...
— О ком — о чем...

Вот ты думаешь, что я чудак:
Был серьезен,
А кончаю шуткой.
Что поделать!

Все евреи так —
Не сидят на месте
Ни минутки.

Ночь над общежитием встает
И заглядывает в эти строки.
Тихо-тихо по небу плывет
Месяц, как Спиноза, одинокий.

Эта ночь, я знаю, отдалила
Силача Самсона от Далилы,
Как же мне от этих чувств сберечь
Тихий голос мой
И слабость плеч?

Месяца идут,
Проходит лето,
И о том, что молодость уйдет,
Комсомольский маленький билет мой
Каждым членским взносом вопиет.

Меланхолик на твоем пути —
Я стою, задумчивый и хмурый,
Потому что бицепсы мои
Далеко не гордость физкультуры.

Мы, с какой угодно стороны,
Несоединяемые части:
Я — как биография страны,
Ты — ее сегодняшнее счастье!

Извини мне темперамент мой,
Я насчет любви — глухонемой,
Просто ветер мчался по стране,
Продувая горлышко и мне.

Ночь над общежитием стоит,
Дышит теплым запахом акаций.
Спят рабфаковцы...
И лишь один не спит,—
Это я, как можешь догадаться.

1932

Сверстнице

Давным-давно звалась ты Галочкой –
Веселый смех, игра в скакалочку...
Тебе уже под пятьдесят,
И годы, как шатер, висят.

Как одиноко, нелюдимо,
Как годы детства далеки!
Воспоминанья мчатся мимо,
Как пионерские флажки,

Как мячики, как фейерверк, как реки,
В которых не купался я...
Прощай, мой свет, прощай навеки,
Иллюминация моя!

Как вешний дождь любовь промчалась,
Сквозь молнии гремя, гудя...
Увы, ни капли не досталось
Тебе от этого дождя!

Что светлого в твой судьбе?
Ребенка надо бы тебе!

Ну, пусть болезненный, пусть бледненький,
Но был бы он тобой любим...
Возьми поэта в собеседники,
Давай с тобой поговорим!

Так гнетет меня уединенье,
Словно самолет обледененье!
Мы сдружились, Галочка? Давай
Есть вдвоем печали каравай...

Как грустные военнопленные,
Плетутся за тобой мечты,
Вздыхает под луной вселенная
Еще печальнее, чем ты.

И я со счастьем никогда не спорю,
И все ж, отдав большую дань годам,
Я верен человеческому горю,
И я его вовеки не предам.

1957

Большая дорога

К застенчивым девушкам,
Жадным и юным,
Сегодня всю ночь
Приближались кошмаром
Гнедой жеребец
Под высоким драгуном,
Роскошная лошадь
Под пышным гусаром...

Совсем как живые
Всю ночь неустанно
Являлись волшебные
Штабс-капитаны,
И самых красивых
В начале второго

Избрали, ласкали
И нежили вдовы.

Звенели всю ночь
Сладострастные шпоры,
Мелькали во сне
Молодые майоры,
И долго в плену
Обнимающих ручек
Барахтался
Неотразимый поручик...

Спокоен рассвет
Довоенного мира.
В тревоге заснул
Городок благочинный,
Мечтая бойцам
Предоставить квартиры
И женщин им дать
Соответственно чину.

Чтоб трясся казак
От любви и от спирта,

Чтоб старый полковник
Не выглядел хмуро...
Уезды дрожат
От солдатского флирта
Тяжелой походкой
Военных амуров.

Большая дорога
Военной удачи!
Здесь множество
Женщин красивых бежало,
Армейцам любовь
Отдавая без сдачи,
Без слез, без истерик,
Без писем, без жалоб.

По этой дороге,
От Волги до Буга,
Мы тоже шагали,
Мы шли, задыхаясь,—
Горячие чувства
И верность подругам
На время походов
Мы сдали в цейхгауз.

К застенчивым девушкам,
В полночь счастливым,
Всю ночь приближались
Кошмаром косматым
Гнедой жеребец
Под высоким начдивом,
Роскошная лошадь
Под стройным комбатом.

Я тоже не ангел,
Я тоже частенько
У двери красавицы
Шпорами тенькал,
Усы запускал
И закручивал лихо,
Пускаясь в любовную
Неразбериху.

Нам жены простили
Измены в походах,
Уютом встречают нас
Отпуск и отдых.
Чего же, друзья,
Мы склоннлись устало,

С тяжелым раздумьем
Над легким бокалом?

Большая дорога
Манит издалеча,
Зовет к приключеньям
Сторонка чужая.
Веселые вдовы
Выходят навстречу,
Печальные женщины
Нас провожают...

Но смрадный осадок
На долгие сроки,
Но стыд, как пощечина,
Ляжет на щеки.
Простите нам, жены!
Прости нам, эпоха,
Гусарских традиций
Проклятую похоть!

1928

Любовь

Быть может, в разговорах откровенных,
Шагая с молодежью по нови,
Увижу я средь лиц обыкновенных
Встревоженную мордочку любви...

Поверь мне, ты ничуть не постарела,
Что для тебя земная дань годам!
Бегут двадцатилетние пострелы
По светлой стежке — по твоим следам.

До старости, до смерти сохранится
Твой образ, появившийся вдали,—
В простом платке, а над тобой зарницы
Грузинским садом пышно расцвели.

Сама заря стоит у изголовья,
Ночь для тебя сменяет караул...
Я с твоего плеча с такой любовью
Бестактного комарика стряхнул!

И этих чувств волшебных излученье
Сейчас меня на подвиг позовет,
Отчаянное кровообращенье
Сейчас мне стенки сердца разорвет!

Рассвет, как долгожданное известье,
Явился к нам. Мир полон ворожбы.
Возьмем лукошки, милая, и вместе
Пойдем по чудеса, как по грибы.

И приютит нас древняя дубрава,
И старые дубы прошелестят:
«Такой любви мы не видали, право,
Чтоб не солгать, лет этак пятьдесят!»

1958

Песня о фонариках

Над родной Москвою, вдоль Москвы-реки,
Самолеты вражеские шли,
И тогда карманные фонарики
На ночных дежурствах мы зажгли.

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

Помню время сумрака туманного,
Тех ночей мы помним каждый час —
Узкий луч фонарика карманного
В ночи те ни разу не погас.

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

Помню ночь над затемненной улицей,
Мы с любимой были рядом тут,
И фонарик — вот какая умница! —
Вдруг погас на несколько минут.

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

Над родной притихшею столицею
Он светил на каждом чердаке,
Пусть сегодня снова загорится он,
Как бывало, в девичьей руке!

Бессменный часовой
Все ночи до зари,
Мой старый друг — фонарик мой,
Гори, гори, гори!

1942

Басня

Было так — легенды говорят,—
Миллиарды лет тому назад:
Гром был мальчиком такого-то села,
Молния девчонкою была.

Кто мог знать: когда и почему
Ей сверкать и грохотать ему?
Честь науке — ей дано уменье
Выводить нас из недоуменья.

Гром и Молния назначили свиданье
(Дата встречи — тайна мирозданья).
Мир любви пред ним и перед ней,
Только все значительно крупней.

Грандиозная сияла высь,
У крылечка мамонты паслись,
Рыбаков артель себе на завтрак
Дружно потрошит ихтиозавра.

Грандиозная течет вода,
Грандиозно все, да вот беда:
Соловьи не пели за рекой
(Не было же мелочи такой).

Над влюбленными идут века.
Рановато их женить пока...
Сквозь круговорот времен домчась,
Наступил желанный свадьбы час.

Пили, кто знаком и не знаком,
Гости были явно под хмельком,
Даже тихая обычно зорька
Всех шумней кричит фальцетом: — Горько!

Гром сидит задумчиво: как быть?
Может, надо тише говорить?

Молния стесняется — она,
Может, недостаточно скромна?

— Пьем за новобрачных! За и за! —
Так возникла первая гроза.

Молния блестит, грохочет гром.
Миллиарды лет они вдвоем...

Пусть любовь в космическом пространстве
О земном напомнит постоянстве!

Дорогая женщина и мать,
Ты сверкай, я буду грохотать!

1958

Песня летчицы

Самолет летит в просторах,
Туч надвинулось кольцо...
Отразилось на приборах
Русской женщины лицо.

И как будто оживают
Под кабиной чудеса —
Ходит Муромец, шагает
Через Брянские леса.

Полный газ! Ревут моторы.
Я не стану отдыхать,
Чтоб до вечера просторы
Всех республик облетать.

Казахстанские барханы...
Украины зной и тишь...
«Шо ж ты мене, мой коханый,
Ничего не говоришь?..»

Алюминиевой птицы
Мчатся в небе два крыла...
Милой Родины границы
В полдень я пересекла.

Дышит воздухом прохладным
Незнакомая страна —
Ни-дер-лан-ды? Ну, да ладно!
Я всему обучена!

Вся земля раскрытой книгой
Подо мною проплывет...
По равнинам Уленшпигель
Ходит, песенку поет.

Встала близкой и понятной
Вся земля передо мной...

Я ложусь на курс обратный:
Семь часов — пора домой!

Сухопутные границы,
Океана мертвый штиль...
И поют вдогонку птицы:
— У-лен-шпигель!.. Тиль! Тиль! Тиль!

1938

Родные женщины

Любопытный, как все наши дети,
Удивленный мальчишка спросил:
— Много братских могил есть на свете,
Почему нет сестринских могил?

Взрослых снов мне нисколько не надо,
Но все кажется мне до утра —
Под прямым попаданьем снаряда
Медицинская гибнет сестра...

В чем же цель наших общих стараний?
Продолжая общественный путь,
Расходясь после общих собраний,
На отдельное горе взглянуть.

Вот рязанской вечерней порою
В синем скверике, в центре села,
К бюсту Ванички — дважды героя —
Изможденная мать подошла:

— Я у мира всего на виду
От него никогда не уйду,
В гипсе, в мраморе или в граните
Вместе с сыном меня схороните!

И заснула бедняга тотчас —
Много маялась и извелась...

Пусть в раскатах грядущих событий
От науки отстал динамит,—
Будьте тихи, друзья, не шумите —
Рядом русская женщина спит.

1958

Из стихов о Лизе Чайкиной

Счастья называть между другими
Чье-то уменьшительное имя,
Счастья жить, скрывая от подруг
Сердца переполненного стук;
Счастья, нам знакомого, не знавшей,
Чайкина ушла из жизни нашей.

Это счастье быть большим могло бы,
Если б вашей встрече быть...
Может, он салютовал у гроба —
Тот, кого могла б ты полюбить?

Может, он, ушедший воевать,
Спит сейчас в землянке на рассвете?
Может, некому ему писать,
Потому что он тебя не встретил?

И не только за поселок каждый,
За свое сожженное село —
Месть и месть за двух прекрасных граждан,
До которых счастье не дошло!

1942

Солдатский сон

Опрокинут забор дощатый,
Песни, крики со всех сторон —
Из-под Фастова все девчата
Устремились в солдатский сон.

Спят бойцы... Посреди землянки,
В неподвижном кругу солдат
Встали пышные киевлянки
И с любовью на них глядят.

Хоть и снятся, а впрямь живые,
И в предутренней тишине
Слышат сосны и часовые,
Как солдат говорит во сне:

4 Заказ 352

— Дай мне руку свою, виденье,
Наклонись к моему плечу,
Не желаю я пробужденья,
Я с тобою побыть хочу.

Помнишь тополь у старой хаты,
Что стоит на краю села?
Не меня ты ждала, а брата!
Не ко мне, ты к нему пришла!

Знаешь, сердце как удивилось
В этой временной тишине:
Что же ты не ему приснилась?
Почему ты явилась мне?

Он ведь ранен еще на марше,
Он навек оставляет нас.
Твой любимый Карпенко-старший
Доживает последний час.

Он лежит в блиндаже комроты,
И, хоть это недалеко,

Не пройдешь ты через болото,—
Через сон перейти легко.

Ты простись со своим желанным,
Слезы девичьи урони...
На обратном пути, Оксана,
В сон солдатский мой загляни.

Мне бы в сырости этой жуткой
Ощутить бы твое тепло!..

Снам — конец. Наступает утро.
Над болотами рассвело.

1950

■ ■ ■

В каждой щелочке,
В каждом узоре
Жизнь богата и многогранна.
Всюду — даже среди инфузорий —
Лилипуты
И великаны.

После каждой своей потери
Жизнь становится полноценней,—
Так индейцы
Ушли из прерий,
Так суфлеры
Сползли со сцены.

Но сквозь тонкую оболочку
Исторической перспективы

Пробивается эта строчка
Мною выдуманным мотивом.

Но в глазах твоих, дорогая,
Отражается наша эра
Промелькнувшим в зрачке
Трамваем,
Красным галстуком
Пионера.

1932

■ ■ ■

Живого или мертвого,
Жди меня двадцать четвертого,
Двадцать третьего,
Двадцать пятого,
Виноватого,
Невиноватого.

Как природа любит живая,
Ты люби меня,
Не уставая.

Называй меня, так, как хочешь —
Или соколом, или зябликом,
Ведь приплыл я к тебе корабликом,
Неизвестно —
Днем или ночью.

У кораблика в тесном трюме
Жмутся ящики воспоминаний,
И теснятся бочки раздумий —
Узнаваний и неузнаваний.

Лишь в тебе одной узнаю —
Дорогую судьбу свою.

1961

Артист

Иосифу Уткину

етырем лошадям
На фронтоне Большого театра —
Он задаст им овса,
Он им кликнет веселое «тпру!».
Мы догнали ту женщину!
Как тебя звать? Клеопатра?
Приходи, дорогая,
Я калитку тебе отопру.

Покажу я тебе и колодец,
И ясень любимый,
Познакомлю с друзьями,
К родителям в гости сведу.
Посмотри на меня —
Никакого на мне псевдонима,

Весь я тут —
У своих земляков на виду.

В самом дальнем краю
Никогда я их не позабуду,
Пусть в моих сновиденьях
Оно повторится стократ —
Это мирное поле,
Где трудятся близкие люди
И журавль лениво бредет,
Как скучающий аристократ.

Я тебе расскажу
Все свои сокровенные чувства,
Что люблю, что читаю,
Что мечтаю в дороге найти.
Я хочу подышать
Возле теплого тела искусства,
Я в квартиру таланта
Хочу, как хозяин, войти.

Мне б запеть под оркестр
Только что сочиненную песню,

Удивительно скромную девушку
Вдруг полюбить,
Погибать, как бессмертный солдат
В героической пьесе,
И мучительно думать в трагедии:
«Быть иль не быть?»

Быть красивому дому
И дворику на пепелище!
Быть ребенку счастливым,
И матери радостной быть!
На измученной нашей планете,
Отроду нищей,
Никому оскорбленным
И униженным больше не быть!

И не бог поручил,
И не сам я надумал такое,
Это старого старше,
Это так повелось искони,
Чтобы прошлое наше
Не оставалось в покое,
Чтоб артист и художник
Вторгались в грядущие дни.

Я — как поле ржаное,
Которое вот-вот поспеет,
Я — как скорая помощь,
Которая вот-вот успеет, —
Беспокойство большое
Одолевает меня,
Тянет к людям Коммуны
И к людям вчерашнего дня.

По кавказским долинам
Идет голодающий Горький,
Пушкин ранен смертельно,
Ломоносову нужно помочь!..

Вот зачем я тебя
Догоняю на славной четверке,
Что мерещится мне
В деревенскую долгую ночь!

1948

Ко дню рождения

Разрушены барьеры ночи темной...
Рассвет какой, как все огромно!
Как будто неба Тихий океан
Упал на Тихий океан.

Кончается моя ночная сказка.
Земля под синим пологом легла,
Но вот уж фиолетовая краска,
Как школьница, бежит через луга.

Все спящие сейчас вот-вот проснутся,
Лучи нещадно небо теребят.
Они бегут, они ко мне несутся
Ватагою оранжевых ребят.

Бегут лучи, мои родные дети.
Они моя давнишняя семья.
Со всеми красками дружу я на рассвете,
И на закате с ними буду я.

Не для пустого времяпровожденья
Я пробивался сквозь обвалы туч,
И для тебя, в твой светлый день рожденья
Я выбираю самый лучший луч.

1961

Студенческая песня

усть людям состариться всем суждено
С научной точки зрения,
Но мы ведь студенты, и мы все равно —
Бессмертное поколение.

И мы убеждаемся вновь и вновь,
Что сердце вечно пламенно,
На дружбу великую и на любовь
Сдадим мы, друзья, экзамены.

Мы взяли у Родины столько тепла,
Клянемся всегда любить ее.
Грядущее близко — заря светла
В студенческом общежитии.

Клянемся, товарищи, ни на момент
Не знать в труде усталости.
И с нежностью скажем мы слово «студент»
В самой глубокой старости.

1948

Нине

Я клянусь тебе детской мечтою,
Взрослым подвигом, горем земли —
В мире самой счастливой четою
Мы с тобою прожить бы могли.

Мне узнать бы любовь хоть на ощупь,
Только контуры где-то видны,
И как будто в осеннюю рощу
Я вошел в середине весны.

Мне бы счастье свое не прохлопать,
Я к любым испытаньям готов...
До чего надоедлива копоть
Мной еще не зажженных костров.

Как о хлебе, мечтаю о чуде,
Я хочу, чтобы в годы мои
Соловьи запевали, как люди,
Чтоб запели мы, как соловьи.

С молодой, ненасытною жаждой
Мне, наверно, понять не успеть,
Что обязанность зелени каждой
К дням осенним вовсю зажелтеть.

Отвечайте, прошедшего тени:
Для чего я на свете живу?
В листопад самый гнусный, осенний,
Возвращаю деревьям листву.

За столом засиделся я поздно.
Небо в звездах, и космос висит.
И не бабушкой старой береза,
А девчоночкой светлой стоит.

Я шагаю с открытой душою,
Комсомольцы идут впереди,

Всё — и маленькое и большое —
Прижимая к широкой груди.

Дни свои я тобою украшу.
Еле слышно меня позови,
И вдвоем, как на родину нашу,
Возвратимся мы к прежней любви.

1963

Беседа

(Песня)

Давай побеседуем вновь
Про радости и про страдания.
Влюбленность еще не любовь,
А встреча еще не свидание.

Скажи мне, что все это зря,
Что чувства ко мне ты не чувствуешь;
Заря для меня не заря,
Когда ты при ней не присутствуешь.

Закат для меня не закат,
А просто одно наблюдение.

Спроси у соседних ребят,
Они не введут в заблуждение.

Останусь навеки тут жить,
Теперь никуда не уеду я,
Чтоб время с тобой проводить
Хотя б за простою беседою.

Давай побеседуем вновь
Про радости и про страдания.
Влюбленность еще не любовь,
А встреча еще не свидание.

1949

Начало зимы

Снежинки летят — одиночки,
И в свете холодной зари
Вздымаются снежные кочки,
Как маленькие монастыри.

Печальна их участь — их скоро
Безбожьем пурги занесет,
И лыжниц помчится в просторы
Неверующий народ.

И девушкой из учрежденья
Ткачихою из Яхромы
Отмечено будет рожденье
Большой, настоящей зимы.

А так это — лед или наледь?
Поди разберись, не поймешь.
Не рано ль еще просигналить —
Призвать на катки молодежь?
Земли остывающей тело
Достаточно ль оледенело?

Быть может, безмолвье немое,
Осыпавшиеся леса —
Меж осенью и зимою
Ничейная полоса?

Морозец и хлипкий и слабый,
Шуметь рановато, пока
Детишками снежные бабы
Не взяты еще за бока.

Давай у прохожего спросим,
Полюбопытствуем мы:
— Так что это — поздняя осень
Или начало зимы?

Я чувствую внове и внове,
Что точно всего не учесть —
Меж детством и первой любовью
Всегда расстояние есть.

1959

Грустная песенка

Ходят грустной парою
Комсомольцы старые.
Как горел их жадный взгляд
Ровно сорок лет назад!

А земля березовая,
А земля сосновая,
А земля вишневая,
А земля рябиновая,
А земля цветет!

Друг погиб под Выборгом,
А в друзьях нет выбора.
Грустно стариться теперь
Только в обществе потерь.

Я прошу вас всеми чувствами,
Никогда не будьте грустными.
Это в старости, друзья,
Привилегия моя.

По земле, накрытой зеленью,
Ходит, ходит население,
Ходит в поле и в лесу.
Я ответственность несу!

А земля березовая,
А земля сосновая,
А земля вишневая,
А земля рябиновая,
А земля цветет!

1963

Разговор

Ты — любовь моя!
Ты — перевертень ума.
Ты как лето на саночках,
Как в веснушках зима.

Нет! Не в сказочной обуви,
Нет, не в туфельках Золушки,
Нс в огнях городов,
Не в мерцанье села,
Не в сиянье реклам,—
По дорогам проселочным
В тихих тапочках стоптанных
Ты торжественно шла.

Я мечтал о тебе;
Отправляясь в дорогу,

Я искал тебя —
Девушку-недотрогу.

Пусть мне будет
От вдохновения жарко —
К медсанбату в пути,
В обгоревшем лесу,—
Я любовь —
Эту раненую санитарку,—
Может быть, донесу,
Может, не донесу.

Как мне быть?
До сих пор я не принял решенья...
Неужели с годами
Погиб мой запал?
Не по площади бить,
А по точной мишени!
Кто поможет проверить:
Попал, не попал?

Были юными,
Стали согбенными плечи,
Все же тяжести новой
Смиренно я жду.
Ты на месте не стой,

Ты пойди мне навстречу,
Все мне кажется —
Сам я вовек не дойду.

Мы уступок
У нашей любви не просили,
Нам соблазны не изменили маршрут...
Молодежь не поймет
Наших грустных усилий,
Постаревшие люди,
Быть может, поймут.

1963

■ ■ ■

**Столкновения все чаще, чаще,
Не уходит драки перегар,
Прошлое воюет с настоящим,
Спорят десятина и гектар.**

**Где ты, где ты, к старшему почтенье?
Презирает лампочка звезду,
И весовщики в большом смятенье —
Центнеры с пудами не в ладу.**

**Кепки на затылки отодвинув,
Дорогие сверстники мои
Наблюдали метров и аршинов
Страшные кулачные бои.**

И казалось бы, убыток не велик-то,—
Связаны мы крепкою судьбой,
Ну поди-ка, разреши конфликты
Трудные, меж мною и тобой.

Как люблю тебя, я, молодую,
Мне всегда доказывать не лень,
Что закат с зарею не враждуют,
Что у них один и тот же день.

19 апреля 1964 года

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Аркадьевич Светлов

СОРОК ЛЕТ МОЕЙ ЛИРИКИ

Редактор Д. А. Смирнов
Художник В. А. Носков
Худож. ред. Н. Л. Юсфина
Тех. ред. Н. Е. Болдырева

■

Сд. в наб. 9/XII-64 г. Подп. к печ. 6/II-65 г. Форм. бум. 60×90 1/32. Физ. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 2,9. Изд. инд. ХЛ-856. А03928. Т. 50 000 экз. Цена 14 коп.
Т. п. 1965 г. № 266.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.
Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25.
Заказ № 352.

14 коп.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»